Духовные мотивы в песнях Булата Окуджавы

Defrančeski, Nataša

Master's thesis / Diplomski rad

2018

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:813266

Rights / Prava: In copyright / Zaštićeno autorskim pravom.

Download date / Datum preuzimanja: **2025-03-21**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences

zir.nsk.hr

DIGITALNI AKADEMSKI ARHIVI I REPOZITORIJI

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

Духовные мотивы в песнях Булата Окуджавы

Studentica: Nataša Defrančeski
Mentorica: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.
Ak. god.: 2018/2019.

U Zagrebu, prosinac 2018.

Духовные мотивы в песнях Булата Окуджавы

Содержание:

1. **Введение**
2. **Отношение к смерти**
3. **Отношение в поэзии к надежде и вера в Бога**
4. **Отношение поэта к любви**
5. **Заключение**
6. **Литература**

Духовные мотивы в песнях Булата Окуджавы

Религиозные темы в песнях Булата Окуджавы
Духовные (религиозные) мотивы в песнях Булата Окуджавы

«Кто поет, молится дважды» Св.Августин»

Введение

Булат Окуджава известен как поэт-лирик, как поэт-бард, то есть певец, исполняюющий собственные песни. Его стихи появляются в сумерках социалистического социализма, который до тех пор пренебрегал индивидом за счет достижения общего блага и построения процветающего общества и прославления государства. Все, что не прославляло культ вождя или идеологические позиции общества, что не было на службе борьбы за процветание тогдашнего СССР, цензура отвергала. Советская эпоха славила коллективный труд, прогресс и лирика больше говорила о машинах, но не о людях (личности очень редко всплывают из толпы, а толпа – нечто без лица, имени и фамилии, она безликая). Ничего не говорилось о чувствах и человеческих отношениях. Понятно, что в то время в литературе - в прозе и поэзии социалистический панегирик имел наибольший успех. Тогда утверждали, что все должны дышать, думать и жить как одно целое, и индивидуальность полностью или в значительной степени игнорируется. Более того, чувства и духовность рассматривались как некое дурное влияние запада, и в этом смысле они были часто под запретом.

Религиозные мотивы будут главной темой данного исследования. Это относится исключительно к мотивам, связанным с христианством, в качестве основной религиозной практики. Через стихи Окуджавы мы будем искать и показывать то, что в 60-е 70-е годы находилось под запретом, и как практика повседневной жизни, и в качестве темы в литературе и других видах искусства. Со времен Ленина «опиум народа» не допускается, люди не могли открыто практиковать или говорить об этом. Государство и его руководство было единственным богом, навязывая правила и создавая «команду», под которой следует жить. В то время Русская Православная Церковь действовала в тайне, что-то вроде первых христиан в катакомбах, скрытое от глаз государственного аппарата. Значительная часть людей о Боге знала в конечном счете через воспоминания о своей бабушке, прадедов и так далее. Удивительно, что стихи Окуджавы, предлагая иной взгляд на мир, быстро

набирали сторонников, как молодых, так старше. До этого Сталин был богом, государство и его механизмы обещали рай на земле, в шуме работающих машин, прославлении успехов, лозунгов и брошюр, которые подавляли всякую индивидуальность. Это коллективное «мы» закрыло небо (эстакадами истребителей), люди были массово переполнены страхом хотя этого не показывали.

Позднее наступила оттепель – стало теплее и десталинизация затрагивала все слои общества (политику, культуру, социальную жизнь и т.д.), люди постепенно стремятся исправить ошибки, возникшие в результате правления бескомпромиссного Сталина и его руководства, культовые ошибки политики преступлений. Наступает время стихов Николая Заболоцкого и романов Ильи Эренбурга.

Булат Окуджава, как мы сказали – представитель авторской песни. К середине 60-х годов XX века авторская песня сформировалась как особый вид искусства. Но с окончанием периода «оттепели» количество опубликованных песен бардов, а так же работ об их творчестве резко сократилось. Идеологический прессинг времен «застоя» по отношению к авторской песне был достаточно жестким, Одни это связывали с органическими особенностями самих песен бардов, например, с их искренностью. Другие представляли дело так, будто авторская песня сплошь состоит из остросоциальных песен, характерных для творчества, например, В. Высоцкого.

В действительности же неугодной оказалась не только социальная песня, а вся авторская в целом, включая и чисто лирические песни. Дело здесь в изначальных особенностях этого вида искусства, главное из которого – синкретичность, т. е. органическое единство трех составляющих – поэзии, музыки и исполнения. Для авторской песни характерен «эффект целого».

Бардовское искусство стало своеобразной отдушиной для узкой прослойки интеллигентов, своеобразным рупором диссидентского движения. Песни бардов можно назвать поэтическим воплощением душевных разговоров, которые можно назвать отдельной страницей политической жизни страны на рубеже 70-80 гг. Именно в них нашли свое отражение все печали и чаяния лучших умов России того времени.

Одной из тем, обсуждаемых в этих разговорах, несомненно, была тема веры, религии, т.к. официально Россия была атеистической страной. Возможно именно поэтому библейские, религиозные мотивы получили столь широкое распространение в творчестве бардов. Религия была тем спасательным кругом, который

поддерживал это поколение на плаву, который спасал их в тяжелое время.

Булат Окуджава являлся выдающимся представителем интеллигенции того времени, на его песнях выросло не одно поколение интеллигентов. Для многих он стал олицетворением всего того лучшего, что было сосредоточено в этих людях.

В лирике Окуджавы постоянно встречаются библейские образы и религиозные мотивы, которые на протяжении творческого пути меняли свой смысловой вектор. Воцерковлению поэта предшествовал переломный период, в который Окуджава писал стихотворения, в которых рассуждал о самых волнующих его темах — о вере и человеческой жизни. И, несомненно, для Окуджавы, человека нелегкой судьбы, отец которого был растерян во времена сталинских репрессий, мать которого прошла ГУЛАГ, религия была источником не только жизненных сил, но и вдохновения, именно Библия стала одним из неисчерпаемых источников его поэзии.

В этой работе мы попытаемся показать некоторые аспекты духовной, религиозной темы в песнях Булата Окуджавы. Ее песенная поэзия в сопровождении гитары, романтично и нежно, почти застенчиво говорила о духе, о необходимости для человека возвращаться к системе христианских ценностей, в которой человек должен надеяться, верить и любить, где он не должен быть одним, но рядом с другими людьми. Таким образом, человечество для Окуджавы и его проблемы были на первом плане.

1. Отношение к смерти

Считается, что через отношение человека к смерти проявдляется и его вера. В этом смысле интересно обратиться к его

стихотворению «Умереть – тоже надо уметь...», написанным в конце восьмидетятых годов. На первый взгляд поэт как будто говорит о нерешенном споре существования потустороннего, неземного мира – «И о чем толковать?

Вечный спор ни Христос не решил, ни Иуда...», а в заключительных строках поэт подчеркивает, что материалистическое начало торжествует – «а грехов-то ведь нету, есть просто движенье». Тем не менее раскрытие темы ясно показывает на прочную связь стихотворения с христианским отношением к жизни, а через это – и к смерти. Это чувствуется даже в заключительных словах о вечном движении, которое совсем не обязательно является разсышлением самого поэта. Главное темой считается вопрос о смысле жизни и о необходимости прожить ее так, чтобы оставить после себя добрую память на земле: ««как прожить от признанья до сплетни, и успеть предпоследний мазок положить, сколотить табурет предпоследний, чтобы к самому сроку, как в пол — предпоследнюю чашу...». Последнее же, что человек должен сделать на земле – это отдать должное Богу, поскольку «последнее — это не наше». Последнее заключается не только в последнем дыхании жизни, но получается и в результатах, делах этой жизни, по которым Бог будет судить человека. И отпущение грехов слишком мало, чтобы получить настоящее прощение. То есть, отпущение грехов должно быть не человеческим «Если б Бог отпущенье давал... А дают-то ведь люди!», а именно Божественным делом. Тогда это вело бы к изменению самого человека и жизни на земле, на которой, как говорит поэт, все равно продолжаются бесчинства и преступления из поколения в поколение. Стойкость к невзгодом, без ожесточения сердца, «как бы жизнь ни ломала упрямо и часто», учение выбрать «тугие паруса» «на свидание к небесам» предполагает и умение жить, выбирая активную, творческую и предельно чсетную позицию, которую всегда отставивал поэт и в своем творчестве, и в жизни.

Умереть — тоже надо уметь,
на свидание к небесам паруса выбирая тугие.
Хорошо, если сам, хуже,
если помогут другие.
Смерть приходит тиха,
бестелесна и себе на уме.
Грустных слов чепуха неуместна,
как холодное платье — к зиме.
И о чем толковать?
Вечный спор ни Христос не решил, ни Иуда...

Если там благодать,
что ж никто до сих пор не вернулся с известьем оттуда?
Умереть — тоже надо уметь,
как прожить от признанья до сплетни,
и успеть предпоследний мазок положить,
сколотить табурет предпоследний,
чтобы к самому сроку,
как в пол — предпоследнюю чашу,
предпоследние слезы со щек...
А последнее — Богу,
последнее — это не наше,
последнее — это не в счет.
Умереть — тоже надо уметь,
как бы жизнь ни ломала упрямо и часто...
Отпущенье грехов заиметь —
ах как этого мало для вечного счастья!
Сбитый с ног наповал, отпущением что он добудет?
Если б Бог отпущенье давал...
А дают-то ведь люди!
Что — грехи? Остаются стихи,
продолжают бесчинства по свету,
не прося снисхожденья...
Да когда бы и вправду грехи,
а грехов-то ведь нету, есть просто движенье.

Теме ценности человеческой жизни и присутствии в ней Бога посвящено еще одно из самых сокровенных стихотворений Окуджавы «Почему мы исчезаем…», в котором он подобно многим, задается вопросом и о тайне смерти, включающий извечный вопрос, куда уходит человек, и вопрос о времени его ухода из этой жизни, который бывает часто внезапным и драматичным и который очень трудно понять и осмыслить.

Почему мы исчезаем…

Почему мы исчезаем,
превращаясь в дым и пепел,
в глинозем, в солончаки,
в дух, что так неосязаем,
в прах, что выглядит нелепым, —
нытики и остряки?

Почему мы исчезаем
так внезапно, так жестоко,
даже слишком, может быть?
Потому что притязаем,
докопавшись до истока,
миру истину открыть.

Вот она в руках как будто,
можно, кажется, потрогать,
свет ее слепит глаза…
В ту же самую минуту
Некто нас берет под локоть
и уводит в небеса.

Это так несправедливо,
горько и невероятно —
невозможно осознать:
был счастливым, жил красиво,
но уже нельзя обратно,
чтоб по-умному начать.

Может быть, идущий следом,
зная обо всем об этом,
изберет надежный путь?
Может, новая когорта
из людей иного сорта
изловчится как-нибудь?

Все чревато повтореньем.
Он, объятый вдохновеньем,
зорко с облака следит.
И грядущим поколеньям,
обожженным нетерпеньем,
тоже это предстоит.

Стихотворение «Почему мы исчезаем…» Окуджава написал в 1986 году и было опубликовано в журнале «Юность» в цикле его девяти лирических стихотворений. Булату Окуджаве тогда уже исполнилось 62 года и он попытался осмыслить прожитое и пережитое. Но главное в этом осмыслении стало темой присутствия Бога в жизни человека, присутствия, которое наполняет человеческую жизнь особым высоким смыслом. Поэтому стихотворение можно тоже считать важным этапом в развитии

мировоззрения поэта. Интересно, что стихотворение «Почему мы исчезаем…» является поэтическим откликом Булата Окуджавы на одну из ветхозаветных книг — книгу Екклесиаста или Проповедника. В стихотворении поэт размышляет о своем жизненном пути. Он осознает неизбежный исход всего, конечность жизни и ее неуклонный исход - смерть. Трагический тон стихотворения, заданный уже в первых строках, соответствует тому настроению, с каким автор книги Екклесиаста, которым в христианском предании является царь Соломон, рассказывает о бренности и временном характере всего земного, о том, что ничто не вечно в этом мире — все «суета сует».

Как Екклесиаст пытался изведать все премудрости мира, так и герой стихотворения Окуджавы с высоты собственного опыта говорит о том, что все стремятся изведать и открыть истину.

Екклесиаст описывает картину вечного круговорота вселенной и говорит, что накопление богатства, радости, наслаждения и почести, — все это уже было раньше и многократно повторится и в будущем. Однако конец у всех один - возвратится прах в землю, чем он и был изначально (Еккл 12):

В дым и пепел
В глинозем, в солончаки

Екклесиаст утверждает: Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем (Еккл 1:9), Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки (Еккл 1:4). Об этом вечном круговороте и повторении событий рассуждает и герой стихотворения: «И грядущим поколеньям… тоже это предстоит». Но в кажущейся бессмысленности такого существования, когда человек в неустанных поисках истины, почти поймав ее ослепительный свет, должен умереть, прорывается и что-то иное, что открывает надежду:

В ту же самую минуту
Некто нас берет под локоть
и уводит в небеса

Время рождаться и время умирать (Еккл 3:2); эта ветхозаветная цитата — один из главных мотивов стихотворения Окуджавы. Герой стихотворения постиг библейскую истину о том, что человек слишком дерзок, поскольку «притязает, докопавшись до истока, муру истину открыть», однако непреходящим, вечным, зорким, всеведущим является только Бог. И об этом свидетельствует человеческая смерть, стирающая все помышли и дерзновенные

мечтания человека. Здесь Окуджава не отрицает Бога, а принимает, совершенно в духе ветхозаветного мудреца. И по сути со стихотворения «Почему мы исчезаем» началось серьезное осознание поэтом Окуджавой подлинного присутствия Бога в человеческой жизни.

Наиболее ярким стихотворением, в котором проявилось особое отношение поэта к смерти, можно считать «Неистов и упрям».

1.
Неистов и упрям,
гори, огонь, гори.
На смену декабрям
приходят январи.
Нам все дано сполна -
и горести, и смех,
одна на всех луна,
весна одна на всех.
Прожить лета б дотла,
а там пускай ведут
за все твои дела
на самый страшный суд.
Пусть оправданья нет
и даже век спустя…
семь бед – один ответ,
один ответ – пустяк.
Неистов и упрям,
гори, огонь, гори.
На смену декабрям
приходят январи.

Среди песен Окуджавы песня «Неистов и упрям…» тоже занимает особое место, как, впрочем, и многие другие его стихотворения. Она была впервые опубликована в 1977 году без посвящения и со сведениями о дате: 1946, а в интервью и выступлениях Окуджава называл ее своей первой песней.

Строки этого стихотворения показывают, как жить, следуя Божьей воле в жизни, и что грех - зло, потому что это против нашей природы и воли Бога (Притчи 11:19). Название стихотворения говорит о свете, о том, что Христос приходит в результате смерти и победы над самой смертью. Христос претерпел смерть и воссияла

Его слава как Бога (Евр 2,9). С этого момента изменились отношения между людьми и смертью. Христос - победитель и теперь светит и для тех, кто живет во тьме и тени смертной (Лука 1:79). Текст этого стихотворения - это радость и ликование, полнота бытия и теперь можно говорить о плане Бога, ибо жизнь заканчивается, когда велит Бог.

В стихотворении Окуджавы обращает на себя внимание вторая строфа :

Нам все дано сполна -
и горести и смех,
одна на всех луна,
весна одна на всех.

Окуджава вводит лирического героя, представленного местоимением «мы», – это его друзья и единомышленники, – и «нам» уготована общая судьба еще и потому, что «мы» - современники поэта и жизнь их конечна. Окуджава соединяет тему времени с темой судьбы поколения, не рисуя никаких радостных перспектив для своих современников, а читатели сами знают и помнят, какая судьба выпала на долю поколения Окуджавы. При этом Окуджава ничего об этом поколении не говорит – кроме того, что «мы» получили всего «сполна». Это лежит на поверхности стихотворения. А в глубине его снова религиозная мысль о том, что все люди равны перед Богом, поскольку «одна на всех луна, весна одна на всех», и человек должен научиться уважать и любить своего ближнего, который так же терпит горести, и испытывает те же радости, что и другие рядом с ним.

Третья строфа песни начинается фразой: «Прожить лета б дотла…».

Прожить лета б дотла,
а там пускай ведут
за все твои дела
на самый страшный суд.

Мысль, выраженная в этом безличном предложении, более или менее понятна, но её словесное выражение нестандартно в силу того, что употреблённые слова не встречаются в привычных словосочетаниях. Действительно, «жизнь прожить» или «прожить жизнь» – устойчивые словосочетания, существующие как в литературном, так и обиходном языке и фольклоре в виде поговорки «Жизнь прожить – не поле перейти». «Многая лета!» – эти слова

звучат как в православном храме, так и на семейных торжествах, хотя и в разной тональности и с иным смыслом. Сгореть или разориться дотла – два наиболее часто встречающиеся сочетания со словом «дотла».

Таким образом, слова: «Прожить лета б дотла» – представляют собой своеобразный сплав из частей нескольких устойчивых выражений, подчеркивая краткость и быстротечность жизни. Кроме того, это может быть ассоциацией с выражением «прожигать жизнь» в значении прожить ее бесцельно, бессмысленно растрачивая свои силы и уничтожая все вокруг себя.

Далее следует ссылка на Священное Писание: «Страшный Суд», который, согласно христианской теологии, совпадает с концом мира и вторым пришествием Христа, воскрешением мертвых и отделением праведников от грешников.

«Страшный Суд» – весьма распространенный образ в древнерусской поэзии и летописании, а также в русской поэзии нового времени. Окуджава считает, что только Господь должен быть «твоим» судьей и, следовательно, «ты» не подвержен «за все твои дела» суду людскому. Однако эпитет «самый», примененный к «страшному суду», полностью меняет всю картину. Создается эффект плеоназма (дублирование некоторого элемента смысла для усиления эффекта или для создания комического эффекта), так что образ «самого страшного суда» носит иронический оотенок.

Таким образом, формула «самый страшный суд» может быть интерпретирована двояко: в рамках первой интерпретации «страшный суд» лишается религиозной коннотации, и тогда он самый страшный из страшных судов, устроенных властями. С другой точки зрения, есть откровенно ироническое, а значит и еретическое отношение к концепции «Страшного Суда». Вероятно, она маскирует первую, политическую, поскольку вряд ли Окуджава стал бы входить глубоко в теологию.

Остановимся еще и на первой фразе четвертой строфы: «Пусть оправданья нет / и даже век спустя…» Естественно возникает вопрос: кто должен быть оправдан и в чем? И почему «оправданья нет и даже век спустя»? Конечно, согласно Священному Писанию, грешники, осужденные на Страшном Суде на вечные муки в аду, будут пребывать там вечно. Едва ли Окуджава решил в своей песне пересказать Писание, – скорее, речь идет о делах земных и Окуджава думал о тех, кто был осужден «самым страшным судом» и пребывает в земном аду без надежды на оправдание при жизни. Следующая строка в этой строфе – поговорка: «Семь бед – один ответ,/ один ответ – пустяк» подразумевает готовность принять смерть. Это еще и храбрость, подразумевающая, что есть высший суд, который

перечеркнет все решения самого страшного земного суда.

Коротко рассмотрим еще одну песню, связанную с темой смерти.

О Володе Высоцком

О Володе Высоцком я песню придумать решил:
Вот ещё одному не вернуться домой из похода.
Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил...
Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа.

Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
Отправляться и нам по следам по его по горячим.
Пусть кружит над Москвою орхипший его баритон,
Ну а мы вместе с ним посмеёмся и вместе поплачем.

О Володе Высоцком я песню придумать хотел,
Но дрожала рука, и мотив со стихом не сходился...
Белый аист московский на белое небо взлетел,
Чёрный аист московский на чёрную землю спустился.
Белый аист московский на белое небо взлетел,
Чёрный аист московский … на чёрную землю … спустился.

Это песня посвящена Окуджавой другому знаменитому и любимому всем барду – Владимиру Высоцкому. Несомненно, в песне можно увидеть его глубокую скорбь по поводу потери друзей и молодых коллег вообще. Текст песни «Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил...» говорит о том, что поэт в жизни делал ошибки и слишком быстро закончилась его существование на земле. Но здесь многие слова косвенно указывают на Иисуса Христа и Его отношение к грешным. То есть, говорится о милосердии Бога к грешнику. Особенно это видно, если провести параллель с библейской притчей о возвращении блудного сына и милосердном отце (Лк 15:11).

Именно стих «Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа» указывает на библейское отношение к слабым. Бог принимает грешников с любовью и вниманием, прощая их деяния (Мк 2,15 Ин 8,10), независимо от степени греховности самых разных людей. В этом стихотворении Окуджава ясно обнаруживает и свое собственное милосердие и глубокое сострадание, и он призывает других к милосердию, особенно в строках «Белый аист московский на белое небо взлетел, Чёрный аист московский … на чёрную землю … спустился». Этот образ аиста очень интересен: белый аист в Москве упал в грязь и чёрный аист московский прилетел в белое

небо. Это может намекать на Божию силу прощения и контраст белого, как прощения и освобождения от греха, и черный, как самого греха и зла.

Важно отметить еще и глубокое осознание поэтом неотвратимости смерти «Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом/ Отправляться и нам по следам по его по горячим», с тем, что уход из жизни совсем не уход в небытие. Поэтому черного аиста можно воспринимать и как метафору бренного тела, которое предают земле после смерти, а белого аиста как душу, взмывающую в небеса (отметим и перекличку с фольклорными элементами, поскольку рождающихся невинных младенцев, согласно поверьям, приносят в клювах белые аисты).

Тема смерти очень часто звучит и стихотворениях, посвященных войне, хотя мы не будем отдельно касаться этой темы из-за ее комплексности и обширности.

Простите пехоте

Что так неразумна бывает она:
Всегда мы уходим,
Когда над землёю бушует весна.
И шагом неверным
По лестничке шаткой спасения нет...
Лишь белые вербы,
Как белые сёстры, глядят тебе вслед.

Лишь белые вербы,
Как белые сёстры, глядят тебе вслед.
Не верьте погоде,
Когда затяжные дожди она льёт.
Не верьте пехоте,
Когда она бравые песни поёт.
Не верьте, не верьте,
Когда по садам закричат соловьи:
У жизни со смертью
Ещё не окончены счёты свои.

У жизни со смертью
Ещё не окончены счёты свои.
Нас время учило:
Живи по-привальному, дверь отворя...
Товарищ мужчина,
А всё же заманчива должность твоя:

Всегда ты в походе,
И только одно отрывает от сна:
Чего ж мы уходим,
Когда над землёю бушует весна?
Куда ж мы уходим,
Когда над землёю бушует весна.

Смерть на войне согласно поэту полностью бессмысленна. Смерть находится в сильном противоречии с желанием, жаждой жизни. Насильственная смерть праведника не Божья воля, но человеческая жестокость. Об этом говорит Окуджава в этой песне. С другой стороны, не во власти человека спасти себя от смерти, но у человека должна быть потребность надеяться на милость Бога (Пс 6,5; Пс 13,4). Это чувствуется и в стихах «жизни со смертью еще не расчистили счета». Интересно, что это стихотворение, затрагивая смысл жизни, говорит не только о войне, но и жизни по-мужски, то есть по-настоящему, «по-привальному, дверь отворя», то есть в готовности к любым неожиданным поворотам судьбы, к смерти, к несчастьям. Ибо в несчастье характер становится крепче «всё же заманчива должность твоя». Кроме того, человек начинает ценить окружающий его мир, ценить людей. Это еще один из мотивов стихотворения.

Окуджава также говорит о красоте природы и смене годовых времен, которые можно сравнить с красотой творения Божьего (И Бог создал все вещи хорошо). Грустные тон стихотворения говорит, что война есть зло и человек должен предотвратить его, чтобы счастливо жить с животными, природой и всеми чудесами, которые Бог даровал человеку (Бытие 14:19).

Позднее Окуджава еще не раз возвращался к теме смерти и созидания, к теме красоты того, иного мира, куда уходит человек. Это такая красота, которую человек бессилен создать на земле и к которой он должен стремиться всю жизнь. Нстроки ниже самым красноречивым образом говорят об отношении Окуджавы к жизни после смерти, к вопросу о том, что человека ожидает за порогом земного бытия:

Сколько сделано руками…

Сколько сделано руками удивительных красот!
Но рукам пока далече до пронзительных высот,
до божественной, и вечной, и нетленной красоты,
что соблазном к нам стекает с недоступной высоты.

После этих строк, совсем неудивительно, что Окуджава и своих предков замышлял как людей, пребывающих после смерти в особом месте, в раю, причем не метафорическом, но настоящем, библейском:

Хочу воскресить своих предков…

А. *Кушнеру*

Хочу воскресить своих предков,
хоть что-нибудь в сердце сберечь.
Они словно птицы на ветках,
и мне непонятна их речь.

Живут в небесах мои бабки
и ангелов кормят с руки.
На райское пение падки,
на доброе слово легки.

Не слышно им плача и грома,
и это уже на века.
И нет у них отчего дома,
а только одни облака.

Они в кринолины одеты.
И льется божественный свет
от бабушки Елизаветы
к прабабушке Элисабет.

В этом стихотворении нарисована поистине прекрасная картина, исполненная легкости, света и неземного наслаждения (что выражено словами «легки», «облака», «кринолины»). Это противопоставлено «юдоли плача», земных страданий – «земного грома».

Образы бестелесных ангелов и порхающих птиц, кормящих ангелов из клюва, поющих на неведомом языке дополняют образ вечного пространства (на века), рая, утопающего в сверкающих лучах «божественного света», в котором, кстати, стираются различия между людьми разного возраста, веры и национальности

от бабушки Елизаветы
к прабабушке Элисабет.

2. Отношение в поэзии к надежде и вера в Бога

Знаковым в этой теме явдяется стихотворение Булата Окуджавы «Три сестры», написанное в далекий 1959 год, ибо в нем присутствует непосредственная перекличка с Библией.

Три сестры

Опустите, пожалуйста, синие шторы.
Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.
Вот стоят у постели моей кредиторы
молчаливые: Вера, Надежда, Любовь.

Раскошелиться б сыну недолгого века,
да пусты кошельки упадают с руки...
Не грусти, не печалуйся, о моя Вера, -
остаются еще у тебя должники!

И еще я скажу и бессильно и нежно,
две руки виновато губами ловя:
- Не грусти, не печалуйся, матерь Надежда, -
есть еще на земле у тебя сыновья!

Протяну я Любови ладони пустые,
покаянный услышу я голос ее:
- Не грусти, не печалуйся, память не стынет,
я себя раздарила во имя твое.

Но какие бы руки тебя ни ласкали,
как бы пламень тебя ни сжигал неземной,
в троекратном размере болтливость людская
за тебя расплатилась... Ты чист предо мной!

Чистый-чистый лежу я в наплывах рассветных,
перед самым рождением нового дня...
Три сестры, три жены, три судьи милосердных
открывают последний кредит для меня.

С первых же строк песни можно заметить стилизацию. Обороты с явно архаическими вкраплениями, такими, как «снадобья» во второй строке, «матерь Надежда», «печалуйся», «упадают», органично

сочетаются с цитатами из Библии в переводе середины XIX века. Язык перевода уже во времена его появления казался необычным; он должен был напоминать читателю о древности текста. В стихотворении Окуджавы имена кредиторов: Вера, Надежда, Любовь – отсылают к Новому Завету, в частности к Первому посланию Павла к Коринфянам, в котором уделяется внимание всем «трем сестрам».

Опустите, пожалуйста, синие шторы.
Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.
Вот стоят у постели моей кредиторы
молчаливые: Вера, Надежда, Любовь.

Поэт явно описывает состояние кризиса, момент подведения жизненных итогов. В эту минуту у постели больного или умирающего появляются кредиторы с библейскими именами. Это кажется странным: основное значение слова «кредитор» – тот, кто дает деньги в долг, «заимодавец». Но у этого слова есть и другое значение, приведенное в словаре Даля, – «веритель». И оно лучше подходит к описываемой ситуации: у постели стоят те, кто доверяет герою, надеется на него. Кроме того, в русском языке слово «кредит» не обязательно связано с деньгами: например, известно выражение: «кредит доверия» – его не нужно возвращать, а нужно «оправдать». Скорее всего, поэт подразумевал именно такое значение слова «кредит». «Оправдать доверие», то есть поступить согласно ожиданиям, и считает себя обязанным его герой. Перейдем ко второй строфе:

«Раскошелиться б сыну недолгого века, да пусты кошельки упадают с руки… – Не грусти, не печалуйся, о моя Вера, - остаются еще у тебя должники!»

Сначала герой дает отчет Вере и оказывается несостоятельным: он, «сын недолгого века», не может верить в то, во что верили в его время («пусты кошельки упадают с руки»). В утешение для Веры он говорит, что есть другие, которые могут ее, Веру, поддерживать.

Далее в третьей строфе он обращается к Надежде:

И еще я скажу и бессильно и нежно,
две руки виновато губами ловя:
– Не грусти, не печалуйся, матерь Надежда, -
есть еще на земле у тебя сыновья!

Надежда представлена у Окуджавы как женщина, руки которой герой целует и с которой ведет себя покорно и нежно. То есть отношения с ней у него гораздо более эмоциональные и неофициальные, чем с Верой: для Веры он «должник», для Надежды – сын.

Для того, чтобы понять следующую строфу, необходимо привести строки из упомянутого Первого послания к Коринфянам: «И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13, 3); «Любовь долготерпит, милосердствует…» (1 Кор. 13, 4); «Всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (1 Кор. 13, 7). Сопоставим их с четвёртой и пятой строфами:

Протяну я Любови ладони пустые,
покаянный услышу я голос ее:
– Не грусти, не печалуйся, память не стынет,
я себя раздарила во имя твое.
Но какие бы руки тебя ни ласкали,
как бы пламень тебя ни сжигал неземной,
в троекратном размере болтливость людская
за тебя расплатилась… Ты чист предо мной!

Если «пустые кошельки» в первой строфе означали неверие, ладони пусты не потому, что герой никогда не любил, а потому, что он истратил отведенное ему. В только что приведенном фрагменте присутствует явная перекличка с цитируемыми выдержками из Священного Послания. Тут и говорится о том, что Любовь «долготерпит», «всё покрывает, всему верит», и присутствует мотив «отдачи тела на сожжение» («…как бы пламень тебя ни сжигал неземной»).

При этом строки, где появляется Любовь, меняют дух всего стихотворения. Неожиданными для нас являются слова: «Покаянный услышу я голос ее», а далее выясняется, что герой чист перед Любовью, поскольку за него расплатилась «людская болтливость». Вряд ли Окуджава говорил об этом без тени юмора.

Последние строки стихотворения подытоживают сказанное выше и перекликаются с финальными строками из той же 13 главы Послания: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше». Нужно заметить, что и Окуджава в песне выделил среди «трех сестер» именно Любовь. Она играет особую роль, за ней остается последнее слово, благодаря ей ситуация обретает неожиданную развязку.

Заканчивая анализ этой песни, приведём цитату из «Дневников» Пришвина: «Вера без дел мертва, а вера без любви – зла и есть, кажется (надо подумать), основа величайших злодейств. Зло существует на кредит любви. Сатира, пародия – должники искусства». (Пришвин. Дневники, 1921).

Тихая Вера, Надежда и Любовь, которые стоят рядом с лежачими больными, ясно показывают нам отношение поэта к Богу.

Святой апостол Павел говорит о надежде, - что христиане, подобно Аврааму, могут и должны надеяться «против всех надежд». И, помимо всего прочего, из-за своей веры в обетования (Римлянам 4,18 до 25) и уверенности в верности Бога, который будет защищать человека с любовью.

Окуджава, вспоминая Надежду, так просто говорит, что есть много других, которые находятся в ее доверии. В трудные времена он с пустыми руками, но он произносит стихи в ее адрес, он просто любит, и говорит о том, что же любовь дала для него, как человека.

Слова песни символически говорят нам, что любовь никто не может превзойти (Ин 3,35). Человек на кровати не властный, не гордый и осознает, что дар любви ему дается совершенно незаслуженно. Люди зачастую беспомощны, больны или напуганы, но любовь учит их добру, как в жизни надо поступать по-доброму, и это для человека оборачивается благом.

3. Отношение поэта к любви

Следующее стихотворение – «Молитва», является определенно одним из самых известных и самых популярных сочинений Окуджавы. В нем присутствуют два основных мотива - молитва (общая и личная молитва) и смирение. Однако важно, что основанием для молитвы и смирения является всепобеждающая любовь, и этот мотив, нигде не выхлдя на поверхность открыто, пронизывает все стихотворение. Стихи со смирением говорят о важности молитвы, и не только для себя, но и для других. Молитва является мощной силой, молитва это разговор с Богом, о чем свидетельствуют и псалмы, которые также подспудно прочитываются в строках Окуджавы (Пс 140, Ин 11,41).

Молитва

Пока Земля еще вертится,
пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому,
чего у него нет:
умному дай голову,
трусливому дай коня,
дай счастливому денег...
И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится —
Господи, твоя власть!—
дай рвущемуся к власти
навластвоваться всласть,
дай передышку щедрому,
хоть до исхода дня.
Каину дай раскаяние...
И не забудь про меня.

Я знаю: ты все умеешь,
я верую в мудрость твою,
как верит солдат убитый,
что он проживает в раю,
как верит каждое ухо
тихим речам твоим,

как веруем и мы сами,
не ведая, что творим!

Господи мой Боже,
зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится,
и это ей странно самой,
пока ей еще хватает
времени и огня,
дай же ты всем понемногу...
И не забудь про меня.

Уже первая строка «Молитвы» вызывает ассоциации с псалмами из Книги Ветхого Завета Псалтырь. Например, 23-й Псалом Давида начинается словами: «Господня – земля и что наполняет её, вселенная и всё живущее в ней» (Пс. 23, 1). Примеров такого рода в Библии множество. А теперь сравним это с первой строкой стихотворения. Информацию, заключенную в ней, можно было бы получить из любого справочника или энциклопедии: Земля вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца, которое со временем погаснет. Таким образом, и в стихотворении Окуджавы, и в псалмах имеет место экскурс в астрономию, но если в псалмах царю Давид предполагает показать безграничность и вечность мира, подвластного Господу, то в «Молитве» есть ощущение хрупкости и ненадежности всего сотворенного и потому можно сказать, что присутствует и иронический оттенок. И при этом даже лексика заставляет подозревать иронию: употреблению глагола «вертеться» (вместо «вращаться») по отношению к Земле чаще всего сопутствует шутливая интонация.

Вторая строка стихотворения – это обращение к Богу с просьбой, что также заставляет вспомнить псалмы. Однако в псалмах просьба предваряется изъявлением почитания, признанием Божьего величия (Окуджава же как раз косвенно указывает перед просьбой на ограниченность Господней власти). Просьба звучит так: «Господи, дай же ты каждому, чего у него нет». Нужно отметить, что по смыслу она походит на вторую часть коммунистического лозунга: «От каждого по способностям, каждому – по потребностям». Кроме того, это почти прямая цитата из 19-го Псалма Давида (Пс. 19, 5): «да даст тебе Господь по сердцу твоему и все намерения твои да исполнит». А в шестом стихе того же псалма эта формулировка практически повторяется: «Да исполнит Господь все прошения твои». Но если в этом псалме, как и в любом другом, блага от

Господа ждет молящийся, Окуджава просит за всех, кому что-либо нужно, и классифицирует потенциальных получателей Господних милостей: «мудрый», «трусливый», «счастливый», «рвущийся к власти», «щедрый», Каин. В одном ряду с ними стоит и лирический герой стихотворения. Таким образом, Окуджава придает обращению к Богу демократический оттенок, примиряющий стихотворение с коммунистическими идеями и, таким образом, позволяющий ему пройти цензуру.

Во второй строфе, еще раз напомнив, что жизни на Земле положен предел законами физики, лирический герой переходит к следующей категории «нуждающихся» – это «рвущиеся к власти». Окуджава просит Бога дать им возможность «навластвоваться всласть». Это пожелание должно насторожить читателя и заставить его задуматься над смыслом текста, так как оно звучит парадоксально. Или Окуджава настолько благодушен, что его забота распространяется и на тех, чьи мечты, сбывшись, могли бы дорого обойтись окружающим, или тут мы имеем дело с приёмом, привносящим в стихотворение какое-то дополнительное содержание. Нам трудно себе представить, что Окуджава действительно хотел бы, чтобы такое пожелание осуществилось. Наверное, в этой строчке скрытый иронический характер «Молитвы» проявляет себя в полной мере, когда в тексте истинное значение сказанного противоположно прямому значению.

Толчком к появлению темы дарования и удержания власти, присутствующей в стихотворении, возможно, тоже послужили псалмы. В Псалме 19 (Пс. 19. 5) говорится о царе Давиде: «Да исполнит Господь все прошения твои», а в Псалме 20: «Ты дал ему, чего желало сердце его, и прошения уст его не отринул» (Пс. 20.2), а в стихе 5 из того же Псалма: «Он просил у тебя жизни, – Ты дал ему долгоденствие на век и век» – и всё это о правителях. Окуджава объединил приведенные выше строки из псалмов в афористическую формулу: «дай рвущемуся к власти навластвоваться всласть», правда, изменив их смысл и предоставив слушателю возможность размышлять о том, что может получиться, если «исполнить прошения» каждого властителя.

В следующей строке: «…дай передышку щедрому, хоть до исхода дня…» тоже присутствует двусмысленность: строку легко воспринять серьезно, как просьбу, вызванную сочувствием по отношению к людям, делающим добро; однако возможно иное прочтение. «Благими намерениями вымощена дорога в ад», и автор взывает к Богу с тем, чтобы он приостановил благодеяния «щедрых», а слово «хоть» указывает на то, что лучше было бы и вовсе положить им конец. Эта строчка – еще один пример изменения

смысла известного выражения «Да не оскудеет рука дающего».

Далее мы читаем: «Каину дай раскаяние». Окуджава просит за *Каина* – библейского первоубийцу, пролившего кровь своего брата Авеля, который был проклят и осужден Богом на изгнание: «проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей, когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» (Бытие 4:11-12) (14,с.212). Библейский Каин – сын Адама и Евы – не мог жить вечно, а значит, Каин у Окуджавы имя нарицательное. И воспринимается это так, будто Окуджава просит за современных последователей библейского героя, которые за свое преступление еще не наказаны. Строчку: «Каину дай раскаяние…» можно было бы еще понять буквально, если бы за ней не следовало: "И не забудь про меня". Такое сочетание просьб ставит в один ряд братоубийцу – одного из самых страшных грешников – и самого поэта, что говорит о глубине смирения лирического героя (и, возможно, самого поэта). Вообще, надо подчеркнуть, что в молитве в целом поэт выказывает редкое смирение, прося, прежде всего, за падших и нуждающихся, а затем уже за себя.

В третьей строфе ставится вопрос о том, насколько Бог в силах выполнить какие-либо просьбы. Она начинается так: «Я знаю: ты всё умеешь, я верую в мудрость твою.» Здесь сразу привлекают внимание слова «ты все умеешь». Умение – это приобретаемое качество (а Бог вряд ли подвержен какой бы то ни было эволюции). О Боге говорят как о всемогущем, а могущество далеко перекрывает умение. «Все умеет» говорят о человеке. Всемогущество и милость Божья, что является проявлением совершенной божественной любви раскрывается в строках «я верую в мудрость твою,/ как верит солдат убитый, что он проживает в раю,/ как верит каждое ухо тихим речам твоим,/ как веруем и мы сами, не ведая, что творим». Строчка: «как верит каждое ухо тихим речам твоим» отсылает к 30-му Псалму, в третьем стихе которого есть обращение ко Всевышнему: «Приклони ко мне ухо Твое», и перекликается также с Псалмом 33: «Очи Господни обращены на праведников, и уши Его к воплю их». Вера всесильна, и Бог открыт как праведникам, так и грешникам, которых пришел спасти и которые зачастую не ведают, что творят. Во всяком случае Окуджава, возможно,надеялся на то, что человечество объединяет любовь Бога, хотя не все в эту любовь подлинно верят.

Правда, в стихотворении можно найти и элементы, которые не вполне совместимы с молитвенными интонациями. Например, обращение к Богу «зеленоглазый мой» – это опять антропоморфизм и, с точки зрения канона, фамильярность, неуместная в обращении к Вседержителю. Сам же Окуджава позже говорил, что ввел в песню

эти слова, думая о глазах своей жены, которой посвящено это стихотворение. Может, Окуджава хотел сказать читателям о своем особом отношении к жене? Уже упомянутое «пока земля еще вертится» во второй строке получает неожиданное продолжение: «и это ей странно самой», придающее тексту пантеистический оттенок, несовместимый с библейским представлением об устройстве Вселенной.

В стихотворении Булат Окуджава постоянно остро осознает течение времени и тот факт, что все подвластно Богу. Когла он говорит о Божьей мудрости, то подчеркивает, что поиск мудрости общий для всех культур и всех людей, но, как говорится в Библии, только мудростью Бога создавался мир (Притч. 8.27 до 31).

Мудрость Вселенной повсюду и в людях, она учит истории и людей использовать свои ресурсы. Бог действует в Духе и через Дух. Именно такая мудрость вызывает у Окуджавы преклонение и восхищение. Когда речь идет о тихих словах Божиих становится ясно, что Бог говорит всем, но слышат его немногие, и только те, кто готов услышать. Для себя Окуджава смиренно не требует многого, потому что через всю песню чувствует глубокое доверие к Богу.

Тема любви затронута в религиозном контексте и в стихотворении «Прощание с осенью». Любить – значит и прощать и в песне были обыграны два значения слова «прощай». Надо отметить, что глагол «прощать» часто употребляется и в Библии, и в христианских проповедях.

Осенний холодок. Пирог с грибами.
Калитки шорох и простывший чай.
И снова
неподвижными губами
короткое, как вздох: "Прощай, прощай…"
"Прощай, прощай…"
Да я и так прощаю
все, что простить возможно, обещаю
и то простить, чего нельзя простить.
Великодушным мне нельзя не быть.
Прощаю всех, что не были убиты тогда,
перед лицом грехов своих.
"Прощай, прощай…"
Прощаю все обиды, обеды у обидчиков моих.
"Прощай…"
Прощаю, чтоб не вышло боком.
Сосуд добра до дна не исчерпать.
Я чувствую себя последним богом, единственным умеющим

прощать.
"Прощай, прощай…"
Старания упрямы
(знать, мне лишь не простится одному),
но горести моей прекрасной мамы
прощаю я неведомо кому.
"Прощай, прощай…" Прощаю, не смущаю
угрозами, надежно их таю.
С улыбкою, размашисто прощаю,
как пироги, прощенья раздаю.
Прощаю побелевшими губами,
пока не повторится все опять:
осенний горький чай, пирог с грибами
и поздний час – прощаться и прощать.

Стихотворение Окуджавы актуализирует оба значения слова «прощай». Лирический герой Окуджавы оказывается одновременно в роли того, с кем прощаются, и того, кто должен простить. Это позволяет Окуджаве выйти из узкого лирического контекста, связав его и с более широким гражданским и религиозным. Поскольку Окуджава часто читал «Прощание с осенью» со сцены на протяжении всей последующей жизни, нам представляется, что он считал это стихотворение важным и адекватно отражающим его позицию. В соответствии с иудейским и христианским вероучениями, молящийся должен обращаться к Богу с просьбой простить его грехи, и прощен он будет только в том случае, если сам простит своим обидчикам. (Матф. 18, 35 и многие другие свидетельства).

Способностью прощать у него наделен лирический герой, и он должен и готов по-христиански простить не только свои обиды, но и обиды своего поколения, невзгоды своей матери и прямо говорит: «Я чувствую себя последним богом/ единственным, умеющим прощать». В последних строках нет никакого богохульства, поскольку в них прочитывается готовность и необходимость следовать Божьим заповедям и уподобляться ему в милосердии, любви и всепрощении. Кроме того, необходимо всегда иметь в виду, что Окуджава прежде всего поэт, а не теолог и не проповедник, поэтому судить его стихи с точки зрения соответствия церковному лексикону не является правильным

Важно, что лирический герой стихотворения выполняет задачу прощения, хоть и с усилием, так как чувствуется, что она трудна для него: «…обещаю/ и то простить, чего нельзя простить»; «Прощаю всех, что не были убиты/ тогда перед лицом грехов своих»;

«…прощаю, чтоб не вышло боком», «Прощай, прощай. Старания упрямы»; «Прощай, прощай… Прощаю, не смущаю/ угрозами, надёжно их таю», и в последней строфе: «Прощаю побелевшими губами,/ пока не повторится всё опять». Тут нужно обратитЬся к русской истории двадцатого века, который перемешал судьбы палачей и жертв, правых и виноватых. Это и судьба поколения родителей и судьба поколения самого поэта. Поэтому и получается, что всеобщее прощение возможно только при точном следовании одному из самых известных библейских заветов: «Не судите, да не судимы будете». (Матф.7,1–6). Лирический герой с честью выполняет эту заповедь, хотя она часто вызывает в нём активный внутренний протест.

Упомянем еще, что о прощении и любви говорит и одно из самых сильных его стихотворений «Мой отец», написанном в 1987 году.

Его расстреляли на майском рассвете, и вот он уже далеко.
Все те же леса, водопады, дороги и запах акации острый.
А кто-то ж кричал *«Не убий!»* одинокий…
И в это поверить легко,
Но бредили кровью и *местью святою*
все прочие *братья и сестры*.

Самое знаменательное состоит в том, что ветхозаветная заповедь «Не убий» тесно здесь связана с заповедью «Возлюби ближнего своего как самого себя», противопоставленному «око за око, зуб за зуб», хотя об этом и не говорится прямо, но прочитывается в общем эмоциональном настроении автора.

В заключение упомянем стихотворение «Мгновенно слово. Короток век», в котором Окуджава пишет о важнейшей по словам апостола милосердной сестре по имени Любовь:

Мгновенно слово. Короток век.
Где ж умещается человек?
Как, и когда, и в какой глуши
распускаются розы его души?
Как умудряется он успеть
свое промолчать и свое пропеть,
по планете просеменить,
гнев на милость переменить?

Как умудряется он, чудак,
на ярмарке
поцелуев и драк,
в славословии и пальбе
выбрать только любовь себе?
Осколок выплеснет его кровь:
«Вот тебе за твою любовь!»
Пощечины перепадут в раю:
«Вот тебе за любовь твою!»
И все ж умудряется он, чудак,
на ярмарке
поцелуев и драк,
в славословии
и гульбе
выбрать только любовь себе!

Стихотворение говорит о быстротечности жизни и бессильности человека перед неумолимым течением времени. Человек думает о своем величии, но на самом деле он как пылинка, которая может затеряться, ему негде поместиться. Он не говорит и молчит со значением, не гордо шагает по жизни, но всего лишь, словами поэта, успевает пропеть, промолчать и просеменить по планете. Он живет в постоянном славословии, в драках и гулянках, - в зависимости от своего положения в жизни. Другими словами, он живет в иллюзиях, которые даже не театр жизни, как об этом писал в свое время Шекспир, но всего лишь базар, ярмарка с пестротой и дешевыми грубыми поделками. И все же, на жизненной ярмарке «поцелуев и драк», наполненной криками и бессмыслицей, человек как-то умудряется и должен умудриться выбирать любовь, которая ведет его по жизни, помогает преодолевать жизненную суету, которая так часто описывается в его стихах, и стараться, чтобы «розы души», расцветшие совершенно непонятно как в глухих уголках его существа, никогда не увяли, пусть даже другие будут считать его странным – чудаком. В этом как раз и проявляется одна из особенностей творчества Окуджавы – сквозь пессимизм прорастают тонкие стебли оптимизма.

Тема любви в его творчестве широка и многообразна. Он часто затрагивает мотивы материнской любви – например, в стихотворении «Времена». Времена меняются, но неизменны остаются человеческие пороки и добродетели. Иногда побеждают первые, иногда вторые. В стихотворении поэт подчеркивает, что

настали времена, когда люди черствеют, отношения становятся холодными, любви становится мало, и любовь надо буквально копить, как хлеб, или деньги:

Нынче, как сухари,
и любовь, и восторг,
и тревогу, и преданность копят...
То ли это инстинкт,
то ли слабость души,
то ли сам исторический опыт?

Все люди сейчас очень хорошо понимают, что

Что бы ни было там,
как бы ни было там
и чему бы нас жизнь ни учила,
в нашем мире цена на любовь да на ласку
опять высоко подскочила.

Вместе с тем, в людях сохраняется тяга к всепрощению, как высшему проявлению любви:

И когда худосочные их сыновья
лгут, преследуют кошек,
наводняют базары,
матерям-то не каины видятся - авели,
не дедалы - икары!

То есть, люди, в частности в данном стихотворении матери, стремятся увидеть в сыновьях, в детях не худшее, но лучшее, что в них есть, которое возвышает человеческое существо и душу, которое сам мир делает добрее, а человека просветляет.

Любовь вместе с Надеждой, правда, тогда еще без упоминания о Вере, стали мотивом и основой очень известной песни «Надежды маленький оркестрик», датированной далеким 1963 годом. Но важно, что стихотворение завершается подлинным восторгом от того, что любовь оказывается вечной и всепобеждающей в людских душах:

И вечно в сговоре с людьми,
Надежды маленький
оркестрик
Под управлением

любви.

И, конечно же, невозможно не упомянуть стихотворение поэта «Виноградную косточку в теплую землю зарою», в котором слишком очевидны христианские мотивы: это, прежде всего теплая податливая земля, готовая принять лучшее – доброту, старание человека, возделывающее почву, его любовь, с которой он сажает виноградную косточку, чтобы потом земля могла взрастить достойные плоды и хозяин смог пригласить всех своих друзей на угощение. Это стихотворение обнаруживает прямые параллели с притчей о сеятеле из Евангелия от Луки, гл. 8 о сеятеле, который посеял зерно и только то, что упало на бглагодатную взрыхленную почву, на душу человека, готовую воспринять добро, Слово Божье, в свое время дало и свой плод.

Таким образом, анализ приведенных нами песен показал, что Окуджава на всем протяжении своего творчества всегда принимал этическую сторону христианской религии. Теологическую сторону он нигде особо не подчеркивал, но возможно, принял ее вполне в конце своей жизни. Окуджава постоянно возвращался теме «вечных ценностей» в целом ряде стихов и песен. И в его песнях всегда доминировала мысль – надежда на то, что человек сможет и должен стать лучше. В этом ему помогают Любовь смерть, любовь и разлука, разлука, надежды маленький оркестрик, но в конечном итоге - Любовь и Вера, Бог. Самое главное для человека – обрести и не утратить веру. Веру в человека, в любовь, в Бога.

Заключение

На протяжении всего жизненного пути Окуджава не раз характеризовал свое мировоззрение как атеистическое и скептическое. В одном из интервью 1995 года он сказал, что чувствует себя атеистом, потому что его так воспитывали (хотя в том же интервью и признавал бессилие человеческой воли на обширной «Господней ниве). Это же особенно было заметно и в его раннем творчестве: «Не верю в Бога и в судьбу», - говорил поэт. Вместе с тем, Окуджава никогда не был настроен богоборчески и всегда подчеркивал: «Я уважаю веру других людей и хочу, чтобы они также уважали мои убеждения».

Тем не менее сам поэт часто задавался вопросом:

«Пусть Бога нет,

/но что но что же значит Бог?».

Возможно, именно поэтому христианские мотивы в его поэзии присутствовали постоянно. Можно даже сказать, как это было показано в работе, что одним из жизненных путеводителей Окуджавы, вне всякого сомнения, служила вера, религия. Религия была тем спасительным кругом, который помогал выплывать поэту в самые тяжелые периоды его жизни. Подтверждение этому можно найти в его стихах. В текстах барда функционирует множество разнообразных образов, напоминающих о Библии. Трудно переоценить роль и значение библейского начала в творчестве Булата Окуджавы, особенно в его поэзии. В большинстве его поэтических произведений мы находим сотни библейских ассоциаций, намеков, выражений, часто положенных в основу создания ярких и смелых поэтических образов. Правда, такая насыщенность поэзии Булата Окуджавы библейскими образами и символами была вызвана не какой-либо ортодоксальной религиозностью, а огромной эрудицией поэта, глубинным осмыслением духовной культуры человечества и верой в божественное предназначение поэзии.

Мы рассмотрели коротко темы, которые являются определяющими в его творчестве – тему смерти, веры, надежды и любви. Можно сказать, что стихотворения очень многоплановы и эти темы можно анализировать с самых разных точек зрения, как пантеистических, религиозных, так и даже материалистических,

Но при этом надо иметь в виду: было бы не совсем правильно оценивать творчество Булата Окуджавы только как творчество поэта, надо принять во внимание и его судьбу как человека, его

мировоззрение, взгляды, которые на протяжении жизни менялись, причем именно в сторону обретения веры, в сторону религиозности.

Известно, что в последние годы жизни Окуджава совершал попытки воцерковиться. Окрестили его с именем Иоанн перед самой смертью по благословению знаменитого архимандрита Иоанна Крестьянкина. Отпевали поэта в московском храме святых бессребреников Космы и Дамиана в Столешниковом переулке.

Священник Георгий Чистяков, который отпевал Окуджаву, отмечал: «Почти во всех без исключения его стихах ощущается присутствие Божие, невидимое, но реальное. Поэт, хотя сам он, своей головой, своим интеллектом не верил, вернее, не хотел верить в Бога, — именно как поэт он блестяще почувствовал Его присутствие». И не случайно другой поэт - поэт Андрей Вознесенский о Булате Окуджаве очень красноречиво и верно сказал: «Всю жизнь стихами атеиста / Тебе он, Господи, служил!».

Литература

1. Булат Окуджава - Булат Окуджава: Избранное в 2-х томах (BALACRON). ..
2. Булат Окуджава: Stihotvorenij, Академический проект, 2001.
3. *Булат Окуджава.* Март великодушный. – М.: Советский писатель, 1967.
4. Булат Окуджава: Посвящается вам, Советский писатель, Москва, 1988.
5. Bulat Okudžava "Голос надежды." . Москва, 2004.
6. Biblija, Kršćanska sadašnjost, Zagreb, 2001.
7. Краткий справочник по современному русскому языку. / Под ред. *П.А. Леканта*. М.: «Высшая школа»1995 г.
8. Лейдерман Н.Л. и Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950— 1990-е г.; пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. Том 1.
9. Мифологический словарь./ Под ред. Е.М. *Мелетинского*. М.: Советская энциклопедия. 1991 г.
10. Rječnik biblijske teologije, Kršćanska sadašnjost, Zagreb, 1980.

Audio – vizualni izvori:

1. Bulat Okudžava: Kogda opusteet Pariž, Poslednij koncert v Pariže, Moskva OOO "'ROFF Tehnolodžis", 2002.
2. Bulat Okudžava: Grand Collection, Čast 1.(Audio CD), Moskva, Kvadro-Disk, 2004.
3. Bulat Okudžava: Grand Collection, Čast 2.(Audio CD), Moskva, Kvadro-Disk, 2008.